

Антония Фрэзер, "Шесть жен Генриха VIII"

Принцесса в его власти

Очевидно, король (Генрих VII) считает, что может делать все, что ему вздумается, поскольку принцесса в его власти...

Фердинанд Арагонский своему посланнику в Лондоне, 1508 г.

Торжественный въезд Катерины Арагонской в Лондон состоялся 12-го ноября 1501 года. Королева Изабелла с присущей ей практичностью просила, чтобы на прием ее дочери не слишком тратились, дабы новая принцесса Уэльская «ни в коей мере не обременила собой англичан...», а «прибытие ее доставило им одну лишь радость». «В немалой мере», по ее мнению, торжество украсила бы уже сама «нежная любовь» короля Генриха к невестке - любовь же, как известно, не обременяет казны.

Но Генрих VII иначе смотрел на триумф своей дипломатии, позволивший ему заполучить испанскую принцессу. Государственный церемониал той эпохи требовал, чтобы торжества проводились с подобающей пышностью. Планы представлений для Лондонского Сити разрабатывались уже на протяжении двух лет. Шесть различных сцен должны были быть разыграны перед Катериной на всем протяжении ее пути через Сити от Саутварка; сочинители закладывали в них двойной смысл. Прежде всего, как и на современных военных парадах, население должно было восхищенно взирать на разворачивающееся перед ним великолепие: правящий режим демонстрировал прекрасную форму. Но в каждой сцене имелся еще и подтекст; насыщенные символами, они должны были подчеркнуть преемственность и связь времен. Катерина наблюдала за торжествами в шляпке ярко-розового цвета с вдетым золотым шнурком, обрамляющим ее выпущенные волосы: вуаль она больше не носила.

На Лондонском мосту ее встретила «Святая Екатерина», «прекрасная юная дама», державшая в руках колесо, по традиции связывавшееся с этой святой, и приветствовала свою тезку: «Имя твое дано тебе... За веру и любовь, коими тебя нарекли в Высшем Суде» (Восемьюдесятью годами ранее при чествовании французской принцессы Катерины де Валуа, невесты Генриха V, использовались аналогичные образы святой и ее колеса). Святую Екатерину сопровождала Урсула, дочь христианского короля Британии и покровительница страны. Во второй сцене

принцессу сравнивали с Геспер, вечерней звездой (Римляне называли Испанию Гесперией, или «Западной Страной»), Артур же стал Арктуром, звездой, под которой был рожден. В третьей сцене раскрывались блистательные перспективы брака, получившего благословение архангела Рафаила и короля Альфонсо Кастильского, потомками которого были как Катерина, так и Артур.

Действие дальнейших актов разворачивалось в основном при дворе Генриха VII, празднующем прибытие Катерины к Артуру, ее «изобильному супругу».

Скромностью они не страдали. Генрих и Артур занимали свои места при дворе грядущего «Нового Иерусалима», где Генрих представал в роли Бога-Отца, Артур же уподоблялся «солнцу (или сыну) Справедливости», библейскому образу, являющемуся одним из имен Христа. Говоря о вещах более приземленных, нельзя не сказать о гербах и геральдических знаках Тюдоров, красном драконе Уэльса, борзой, символе Ричмонда, и упоминаниях о происхождении Катерины от Иоанна Гентского. Финалом было обращение «Чести» к Катерине:

Принцесса, знай, когда поладишь ты
С твоим супругом царственным, дано
Царить тебе вовеки с нами в дружбе.

Брак был заключен через два дня, 14 ноября, в соборе Святого Павла, под трубы испанских герольдов, прибывших, чтобы достойно проводить свою принцессу. Еще одним напоминанием об Испании было то, что Катерина, как и ее дамы, надела мантилью в дополнение к своему чопорному бело-золотому наряду, украшенному драгоценностями. Если будущему дано влиять на прошлое, Катерина должна была невольно вздрогнуть, подавая руку подошедшему к ней в нефе Генриху, герцогу Йоркскому, младшему брату ее мужа. Ему было всего десять лет, но, длинноногий и широкоплечий, он уже смотрелся намного взрослее, чем Артур, который был старше его на пять лет.

Но ничто не указывает на то, что она вздрогнула. Напротив, все внимание Катерины было поглощено тем, как угодить своими манерами (преодолевая языковой барьер) тому, кто отныне должен был заменять ей отца: Генриху VII. Порядок мест на последовавшем пире недвусмысленно свидетельствует об этом. Катерина сидела по правую руку от короля. Принц же Артур сидел за отдельным детским столом вместе с принцем Генрихом и его сестрами, двенадцатилетней принцессой Маргарет в золотой парче и пятилетней принцессой Марией в пурпурном бархате, отделанном мехом.

Пир проходил в Бэйнард Касл, традиционной лондонской резиденции Йоркского дома. Здесь предлагали корону Эдуарду IV в 1461 году и Ричарду III в 1483-м. Современник описывает его так: «совсем не похожий на укрепленный замок, лишенный зубцов и бойниц, исполненный красоты, достойный принять любого могущественного и состоятельного князя»; годом ранее Генрих VII перестроил Бэйнард Касл и с тех пор использовал его в основном для событий государственной важности. Так как он был расположен на реке между Блэкфрайарс и верфью Святого Павла (к северу от Темза-Стрит), до него обычно добирались по воде, как и до большинства лондонских дворцов в то время. «Экипаж» (транспортное средство, предположительно - паланкин), доставивший Артура и Катерину до реки после церемонии бракосочетания, обошелся, согласно счетным записям королевства, в 12 пенсов. После этого, как на самом пиру, так и во время всех последующих торжеств, Артур практически не принимал участия в происходящем. Он явно был слишком юн для того, чтобы принимать участие в рыцарских турнирах, которые станут страстью его брата-здоровяка через несколько лет (на празднике принц Генри, разгорячившись, сбросил камзол во время танца, пока принц Артур чинно танцевал с леди Сесил; Катерина, как и при первой их встрече, танцевала с одной из испанских дам.) Тем не менее, в одной из церемоний без участия Артура обойтись было нельзя. Его брачная ночь, как и пир, прошла в Бэйнард Касл.

Ногу, что символически поставил на постель принца доктор Пуэбла двумя годами ранее в Бьюдли Палас, ныне предстояло заменить подлинником. И в конце пира принцесса Уэльская торжественно отправилась вместе с супругом к ложу в сопровождении придворных - как англичан, так и испанцев; затем сопровождающие удалились в другую комнату и оставили их в постели на всю ночь, в соответствии с распорядком церемонии. Тем не менее, крайне сомнительно, чтобы на супружеском ложе принцесса когда-либо принимала участие в чем-то, принципиально отличавшемся от символической церемонии, где супруга представляла нога доктора.

По иронии судьбы, вследствие одного из тех крутых поворотов, на которые так щедра история, вопросу о половых отношениях - и их реальности - пары невинных подростков предстояло получить принципиальное значение почти тридцать лет спустя. Один из них почти все это время провел в могиле; другой же предстояло вступить в самую черную полосу жизни. Свидетельств современников о мнении Артура по этому вопросу не сохранилось, а вульгарный слух, столь удобно пущенный в оборот много лет спустя придворными, искренне старавшимися угодить своему господину, безусловно, нельзя принимать в качестве

доказательства. В конечном счете мы можем опираться лишь на однозначные заявления Катерины, начиная с 1502 года (а не придворные сплетни конца 20-х годов), что ее брак остался неосуществленным.

Тем не менее, есть мнение и третьего очевидца по этому деликатному, но (как оказалось) жизненно важному вопросу - второго мужа Катерины, Генриха VIII. В конечном счете, в брачную ночь он либо убедился в ее девственности (как хвалился в молодости), либо нет. Допустим, саму Катерину, как и придворных Генриха, нельзя считать беспристрастным свидетелем. Но наиболее убедительным доказательством неосуществленного брака является то, что сам Генрих VIII позднее так и не решился солгать Катерине по этому поводу, будучи прилюдно спрошен, была ли та девушкой в их первую ночь.

Вернемся к зиме 1501 года и коротким месяцам «супружеской жизни» Артура с Катериной после их торжественного обручения и брачной ночи в Бейнард Касл. Физическая неразвитость Артура, как и его малый рост - он был даже ниже, чем его миниатюрная жена - уже были упомянуты. Само по себе это не может служить доказательством, что он не достиг половой зрелости (хоть и делает это маловероятным), и даже если он не достиг ее в ноябре, это могло произойти на протяжении следующих месяцев. Катерина позднее рассказала кардиналу Кампеджио на исповеди, что они делили ложе лишь семь раз, и ни разу Артур не «познал» ее. Но решающим аргументом против осуществления брака, если отбросить все последующие домыслы, можно считать то, что это было не в обычае того времени.

В эпоху, когда браки часто заключались по государственным соображениям между детьми или подростками в переходном возрасте, к вопросу о подходящем времени для осуществления брака чаще всего подходили серьезно. После того, как брак был официально заключен, могло пройти несколько лет, прежде чем наступал подходящий, по мнению сторон, момент. Послы могли обмениваться тревожными отчетами о физическом развитии; царственные родители советовались между собой по поводу готовности своих отпрысков к этому испытанию. Все это заставляет вспомнить о разводчиках лошадей, обсуждающих спаривание чистопородных экземпляров, и такое сравнение будет весьма близко к истине. Получение потомства было неременным условием этих столь тщательно согласовывавшихся королевских браков.

В том, что касается наследницы, ее «испорченность» вследствие вынужденного исполнения супружеского долга и преждевременного вынашивания детей могла

иметь серьезные последствия. По общему мнению, здоровье наследницы Маргарет Бофор было разрушено ранним деторождением. Она вынашивала Генриха VII, когда ей было лишь тринадцать, и во всех последующих четырех браках не имела детей. Генрих выжил, но в принципе наличие единственного наследника в эпоху высокой детской смертности было огромным риском для любой семьи, и ярким примером этого служит постоянная нехватка наследников у Тюдоров. Переговоры о браке Иакова IV, короля Шотландии, и принцессы Маргарет, сестры Артура, начались в 1498 году. Неудобство заключалось в том, что невесте было всего девять лет, тогда как шотландскому королю - двадцать пять. Как мать принцессы Маргарет, так и ее бабушку Маргарет Бофор - у последней, естественно, были для этого свои печальные основания - беспокоил такой разрыв в возрасте и они просили отложить бракосочетание, чтобы оно не стало осуществленным: «из страха, чтобы шотландский король в нетерпении не повредил ей и не подверг ее здоровье опасности» (В итоге свадьбу сыграли в 1503 году, когда Маргарет достигла четырнадцати лет).

К здоровью новобрачного подходили не менее серьезно. К примеру, придворные испанские медики были убеждены в том, что брат Катерины, инфант Хуан, ослабил себя, проводя слишком много времени в постели со своей женой - с трагическими последствиями. Генрих Фицрой, герцог Ричмонд, незаконный сын Генриха VIII, был обвенчан с леди Мэри Говард в возрасте четырнадцати лет, но брак остался неосуществленным ко времени его безвременной смерти (от туберкулеза) три года спустя; очевидно, считалось, что это действие окажется слишком обременительным для человека с некрепким здоровьем. Брат Мэри Говард, Томас, граф Суррей, три года жил вместе с леди Френсис Вер после брачной церемонии до осуществления, пока им обоим не исполнилось по пятнадцать лет.

В случае с Артуром и Катериной все четверо родителей сходились на том, что спешить не следует. Генрих VII и Элизабет Йорк ревностно пеклись о здоровье сына, Фердинанд же с Изабеллой недвусмысленно заявили, что будут «более обрадованы, нежели опечалены», если осуществление брака будет отложено на некоторое время, учитывая «нежный возраст» Артура. Таковы были наставления, переданные донье Эльвире, на чью твердость как дуэньи можно было положиться.

Таким образом, Катерина должна была оставаться в Лондоне под присмотром свекрови (не забудем и о властной матери последней), в то время как Артуру предстояло взрослеть, не отвлекаясь на жену, в Пределах Уэльса (Марчах),

Людлоу-Касл. Но этому замыслу, имевшему несомненные достоинства для его главной участницы - Катерина смогла бы познакомиться со своей новой семьей, как и научиться английскому, прежде чем начинать строить совместную жизнь с мужем, - было не суждено воплотиться в жизнь. Вместо этого принцесса Уэльская в декабре выехала в Людлоу.

Перемена планов, вызвавшая негодование испанцев, была связана с денежным вопросом - приданым Катерины. Приданое, когда речь шла о принцессах и других девушках из богатых семей в ту эпоху, означало сумму, передаваемую родителями невесты в обмен на обязательство мужа обеспечивать ее в дальнейшем полностью за свой счет. Так, Фердинанд согласился выплатить 200,000 крон после брака дочери при условии, что Катерина, если останется вдовой, будет получать треть всех доходов от Уэльса, Корнуолла и Честера. Однако пока что из обещанной суммы в 200,000 крон Фердинанд передал лишь половину. Он внезапно заявил, что значительная часть оставшегося - 35,000 крон - была передана им в посуде и драгоценностях. Это оказалось неприятной неожиданностью для английского короля, которому, как и большинству монархов в то время, наличные требовались всегда, а находились лишь по случаю. У Генриха VII ушло не так много времени, чтобы разработать ответ, достойный Маккиавелли: в этом отношении Фердинанд и Генрих ничем не уступали друг другу. Отправка принцессы Уэльской в Людлоу неизбежно была связана с обустройством для нее нового дома и перевозкой туда значительной части посуды и драгоценностей, полагавшихся ей при ее высоком статусе, о котором так пеклись испанцы. Для этого пришлось бы использовать ее собственную посуду. Это затруднило бы испанскому королю возможность представить «уже использованные драгоценности и посуду» как часть приданого, обещанного Генриху VII. Испанцы в Лондоне - в особенности дон Педро де Аяла - прекрасно понимали этот замысел, но ничего не могли поделать.

По крайней мере, они попытались защититься, отказавшись озвучить решение за Генриха или позволить сделать это принцессе. Король размышлял вслух, стоит ли принцессе ехать, и довел до сведения де Аялы, что Совет также колеблется - есть те, кто считает, что она должна отправиться в Людлоу, но некоторые против. Затем он поручил Артуру убедить Катерину сопровождать его по собственному желанию; она отказалась. В результате королю пришлось обращаться непосредственно к Катерине. Можно сказать, что с ее стороны последовал очередной реверанс - почтительнейшим образом она ответила, что во всем повинуется его воле. Королю Генриху не удался его маленький спектакль. «Демонстрируя величайшее сокрушение», он приказал Катерине поехать вместе с

мужем. И Катерина отправилась в Пределы Уэльса в сопровождении внушительного испанского эскорта, в том числе бдительной наместницы Изабеллы доньи Эльвиры и испанского духовника.

Людлоу-Касл тоже был традиционной резиденцией Йорков - но с ним была связана более мрачная память, чем с Бэйнард Касл. Когда он находился в собственности Ричарда, герцога Йоркского, в нем жили двое мальчиков, дядей Артура, во время смерти Эдуарда IV в 1483 году; отсюда они отправились в столицу, где и сгинули в застенках Тауэра. Стратегически же он был расположен великолепно. Из внушительного норманнского замка, возведенного на скале, открывался вид на долину, где течет река Тим до Кли-Хилс и дальше, до Стреттонских холмов, и крепость была практически неприступна, за исключением той стороны, что граничила с большим английским поселением.

В Людлоу, примерно в 150 милях от Лондона, Катерина и ее испанский эскорт прожили ту зиму. Об этой меланхолической идиллии до нас дошло не слишком много письменных свидетельств, помимо того, что представители Уэльса приходили выразить почтение своему принцу и принцессе - Людлоу был столицей Пределов Уэльса (Марчей). Среди них был и тот, кого отец Артура называл «Отец Рыс» - сэр Рыс ап Томас, помнивший Генриха VII еще как уэльского Тюдора, претендента на английскую корону, до битвы при Босуорте. Но в будущей судьбе Катерины куда большую роль сыграло знакомство с другим свидетелем бурного английского прошлого.

Председателем совета принца Уэльского - главой местной власти, - был сэр Ричард Поль. Родственник Генриха VII по материнской линии, не имевший королевской крови, которая могла бы поощрять опасные устремления, Поль был ценным исполнителем (именно он помог устроить свадьбу принца Артура). Жена Поля, Маргарет, была из Плантагенетов: длинный узкий аристократический профиль, тонкокостное лицо, узкие губы и орлиный нос безошибочно выдавали ее происхождение. Ее родство с царствующей фамилией было весьма близким; как дочь убитого брата Эдварда, герцога Кларенса, она была двоюродной сестрой королевы Элизабет Йоркской. После казни ее брата в 1499 году (одно из тех беспощадных убийств, которыми Генрих VII убирал нежеланных соперников из Йорков и Плантагенетов) Маргарет Поль осталась единственной дочерью и наследницей Кларенса. Более того, ее объявили незаконным ребенком, как поступил с Элизабет и ее братьями Ричард III, пытавшийся узаконить свою узурпацию трона.

Пока что родственные связи не угрожали ее безопасности. Генрих намеренно выдал Маргарет за того, кому доверял; сыновья Поля, которые могли бы предъявить права в силу происхождения матери, были еще детьми. Для нас главное то, что в Людлоу завязалась крепкая дружба между двумя женщинами разного возраста - Маргарет Поль было почти тридцать - но имевшими, как показало дальнейшее, схожие черты характера. Обе отличались обаянием и добротой; обе были хорошо образованы, набожны и начитанны; обе были страстными, покорными внешне, но твердыми внутри.

Той весной на границе Уэльса стояла холодная и дождливая погода, и многочисленные болезни собирали обильную жатву. К концу марта 1502 года хрупкое здоровье принца Артура начало сдавать. У принца мог быть туберкулез; к тому же в округе разразилась чума, а также другая болезнь, бич того времени, известная нам как «потливая горячка». Современники страшились ее из-за таинственного хода болезни: жертвы поправлялись, но могли умереть «некоторые через три часа, некоторые через два, бывало так, что за обедом человек еще бодр и полон сил, а к ужину уже мертв», как сообщает нам хроника. Потливая горячка представляется наиболее вероятным объяснением, так как Катерина также слегла.

Она была еще очень больна 2 апреля, когда умер принц Артур. Ему было пятнадцать с половиной лет, и его «дражайшая супруга» теперь была вдовой; в свои шестнадцать лет и три месяца Катерина Арагонская стала вдовствующей принцессой Уэльской. Если в то время ей приходила в голову мысль о возможной смерти, Катерина могла вспомнить ироничную эпитафию, которую придумала для себя ее невестка, герцогиня Маргарет: "encore est pucelle" - осталась девственницей - в браке.

Новости о смерти принца Уэльского достигли двора в Гринвиче вместе с гонцом на следующий же день, 3 апреля. Совету хватило такта вызвать исповедника короля Генриха, францисканца-обсерванта из соседнего с дворцом монастыря, чтобы тот сообщил об этом королю. Затем Генрих послал за матерью умершего ребенка, решив поведать ей лично. Элизабет Йоркская держалась с большим мужеством; не поддаваясь отчаянию, она сказала королю, что тот «также был единственным ребенком, и бог в своей милости всегда хранил его и вознес туда, где он сейчас находится». У них тоже остался единственный сын, Генрих, герцог Йоркский, которому вскоре предстояло получить титул брата и стать принцем Уэльским, а также две принцессы: Маргарет (обрученная с шотландским королем) и шестилетняя Мэри.

Кроме того, добавила королева, в семье еще могло произойти прибавление: «мы оба достаточно молоды». Ей тридцать шесть лет, ему сорок пять: королева родила третьего сына, Эдмунда, умершего впоследствии, всего три года назад.

Уверенность Элизабет Йоркской в своей способности родить ребенка была вполне обоснованной; в полном соответствии со своим предсказанием, она понесла через месяц после смерти Артура и родила к началу февраля. Королева не предвидела, что ребенок окажется дочерью, что той суждено сразу же умереть, а вскоре после этого испытания смерть ждет и ее саму.

Смерть принца Артура положила конец недолгому «звездному часу», когда у Тюдоров были двое прямых наследников мужского пола, хоть и молодых. Теперь жизнь одного ребенка - принца Генриха - была всем, что стояло между королем Генрихом VII и худшим из его кошмаров: появление претендентов на трон, гражданская война. Нельзя сказать, чтобы эти страхи, коренящиеся в кровавых бойнях прошлого, были полностью беспочвенны. Генрих VII в свои сорок пять лет после всех испытаний, выпавших на его долю, старился на глазах. Мог ли мальчик заменить его? Сразу после смерти принца Артура королю донесли о разговорах, что наследник мужского пола должен быть не ребенком, а взрослым и иметь в своих жилах достаточно королевской крови, чтобы подкрепить свои права (как было с самим Генрихом VII).

Одним из кандидатов был горделивый двадцатитрехлетний герцог Бэкингем, блиставший на свадьбе Катерины (на один его костюм ушло 1500 фунтов). Это было демонстрацией не только огромного богатства, унаследованного Бэкингэмом, но и его статуса первого вельможи - и единственного герцога - в королевстве, который к тому же мог похвастаться происхождением от Томаса Вудстока, младшего сына Эдуарда III. «Многие значительные особы» в Кале, важнейшей английской базе на континенте, по слухам, единодушно считали Бэкингэма «благородным человеком, исполненным поистине королевского величия».

Был еще и Эдмунд де ла Поль, граф Саффолк, двоюродный брат королевы (Маргарет Поль была двоюродной сестрой), сын сестры Эдуарда IV. Теперь он был старшим наследником мужского пола Йоркского дома; в случае, если старая сплетня о незаконности всех детей Эдуарда IV вновь пустила бы корни, его права становились намного весомее. Эдмунд де ла Поль благоразумно сбежал от Генриха VII. Когда осведомитель сказал королю, что люди видят в «вашем изменнике, Эдмунде де ла Поле» возможного наследника, вряд ли такие новости

могли успокоить Генриха VII; особенно учитывая зловещую фразу осведомителя: «никто даже не упоминал о милорде принце» - то есть, десятилетнем Генрихе. Пока в Людлоу совет принца ожидал распоряжений насчет погребения Артура, Катерина, изнуренная болезнью, находилась на попечении своей испанской свиты. Лишь три недели спустя тело Артура в сопровождении факельной процессии перенесли в приходскую церковь в Людлоу; оттуда процессия направилась в Бьюдли (где впервые был заключен посреднический брак Артура с Катериной). Потребовался вол, чтобы тащить «колесницу», на которой возлежал гроб, по грязи, в «ненастнейший, ледяной, ветреный и дождливый день, по худшей из дорог, что я видел», записал один из присутствовавших. В Лондоне приняли решение похоронить принца в ближайшем соборе, которым оказался Ворчестер. Геральдические символы в возведенной там позже часовне - розы Йорка и Ланкастера, решетка Бофоров, и второй из гербов Катерины - связка стрел (первым был гранат) были печальным напоминанием о радостных торжествах по случаю бракосочетания всего за полгода до того.

Катерина, принцесса Уэльская, теперь стала проблемой государственной важности - для двух стран. Элизабет Йоркская, со свойственным ей участием, отправила подобающий в подобных обстоятельствах паланкин из черного бархата, с черными же балдахинами и окантовкой, сделанными ее личным портным, чтобы доставить принцессу в Лондон, когда она достаточно поправится, чтобы путешествовать. За этим исключением, мало кто уделял внимание чувствам девушки, заболевшей в стране, язык которой был едва ей знаком, в окружении ревнивой свиты, старавшейся еще больше изолировать ее, дабы не допустить урона ее чести. Ее близкие, как родители, естественные защитники, так и новый опекун, Генрих VII, интересовались в основном практическими вопросами, связанными с ее будущим, и в первую очередь приданым.

Очевидным выходом было женить - или, по крайней мере, обручить - Катерину с «новым принцем Уэльским», как писал Фердинанд о молодом Генрихе. Это почти сразу же пришло в голову всем четверым родителям. В Испании Изабелла и Фердинанд, как и следовало ожидать, были потрясены известиями о смерти Артура; когда Фердинанд писал 12 мая, что та «разбредила раны, нанесенные нам всеми предыдущими утратами», можно поверить, что на сей раз за формальным выражением монарших соболезнований таились искренние чувства: смерти инфанта Хуана и королевы Изабеллы Португальской были еще свежи в сердцах родителей. Но, как и прошлые трагедии, эта угрожала политическому союзу, и первое, что занимало их после смерти Артура (которого им ни разу не довелось увидеть) - укрепление пошатнувшегося равновесия сил.

Кроме того, оставался вопрос денег, которые в Испании были в таком дефиците, что Фердинанд так и не выплатил вторую половину приданого Катерины. В теории - с точки зрения испанцев - все было чрезвычайно просто. Можно было договориться о том, чтобы уже выплаченные за первый брак деньги пошли в счет второго; англо-испанский союз при этом сохранялся в неизменности. Новые переговоры отнюдь не были неприятной неожиданностью для английского короля, поскольку он знал, что имеет над испанцами двойное преимущество. Во-первых, не подлежало сомнению то, что овдовевшая принцесса Уэльская находилась при его дворе. Во-вторых, принц Генрих, которому исполнилось одиннадцать лет в конце июня 1502 года, был подходящим кандидатом для одной из тех помолвок, которые при необходимости можно было расторгнуть по достижении им возраста согласия. И не в характере Генриха VII было возвращать уже полученные деньги. Говоря о приданом Катерины, какими видели обе стороны условия следующего брачного договора? На этом месте теоретически простой вопрос начинал превращаться в клубок противоречий.